К ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ «САМАРКАНДСКОГО ТЕКСТА»

Малика Шухратовна АЛИЕВА
преподаватель
Президентская школа г. Самарканда
Самарканд, Узбекистан

Аннотация

В статье изложены теоретические и методологические основы комплексного исследования мифопоэтики и хронотопа «самаркандского текста» в русской и узбекской литературе XX-XXI веков. В рамках исследования обоснована категория «самаркандского текста» как самостоятельного феномена, обладающего полисемантичным символическим ядром и оригинальными доминантами, отличающими его от других локальных текстов. В результате выявлены ключевые мифологемы (образ «града-рая», «восточной столицы мудрости», «колыбели Тамерлана», др.) и устойчивые мотивы, формирующие семантическое ядро самаркандского текста.

Ключевые слова: сравнительное литературоведение, межкультурная коммуникация, мифопоэтика, символическое пространство, литературная география.

“SAMARQANDCHA MATN”NING NAZARIY-METODOLOGIK TAHLILIGA DOIR

Malika Shuxratovna ALIYEVA
o‘qituvchi
Samarqand shahridagi Prezident maktabi
Samarqand, O‘zbekiston

Annotatsiya

Maqolada XX-XXI asr rus va o‘zbek adabiyotidagi “samarqandcha matn” mifopoetikasi va xronotopini kompleks tadqiq etishning nazariy va metodologik asoslari yoritilgan. Tadqiqot davomida “samarqandcha matn” mustaqil hodisa sifatida asoslab berilgan bo‘lib, u ko‘p ma’noli ramziy yadrosi va boshqa lokal matnlardan farqlanuvchi original dominantlarga ega. Asarda asosiy mifologemalar (masalan, “jannat shahar” obrazi, “sharq donishmandligi poytaxti”, “Temur beshigi” va boshqalar) hamda barqaror motivlar aniqlanib, samarqandcha matnning semantik yadrosini shakllantiruvchi unsurlar sifatida ko‘rsatib berilgan.

Tayanch so‘zlar: qiyosiy adabiyotshunoslik, madaniyatlararo muloqot, mifopoetika, ramziy makon, adabiy geografiya.

В мировой филологической науке понятие «городского текста» получило широкое распространение и признание как эффективная модель

изучения взаимодействия пространства и культуры. Еще В. Н. Топоров, анализируя образ Петербурга, заложил основы понимания того, что совокупность литературных произведений о конкретном городе образует особый «сверхтекст» со своими устойчивыми семантическими константами текст», «сибирский текст», каждый из которых представляет собой уникальное сочетание мифопоэтических мотивов и символов, связанных с определенным городом или регионом. В этом ряду сравнительно недавно заявил о себе и «самаркандский текст»: феномен, который, несмотря на географическую отнесенность к Средней Азии, широко представлен в мировой литературе и культуре в целом, обладая полисемантичной и функционально разнообразной репрезентацией [4]. Иными словами, Самарканд как художественный образ выходит за рамки локального и становится частью универсального культурного дискурса.

Результаты и обсуждение. Корпус произведений о Самарканде, привлеченный в исследовании, продемонстрировал богатство и многообразие подходов к изображению города. Тем не менее сопоставительный анализ позволил выявить ряд общих мифопоэтических констант, присутствующих (хотя и в разных формах) и в русской, и в узбекской традициях, а также определить ключевые различия, обусловленные национально-культурным своеобразием авторов.

Типологически повторяющиеся мифопоэтические образы, составляющие ядро «самаркандского текста», представлены в нижеследующем обзоре:

Самарканд как райское пространство, «город-сад». Этот мотив уходит корнями в древние описания плодородия и красоты оазиса, на котором расположен Самарканд. В текстах он проявляется через образы цветущих садов, виноградников, изобилия плодов, сравнение города с райским садом Эдема. Например, еще Клавихо (XV в.) восхищался самаркандскими садами, а в поэзии XX в. (у Ахматовой) город назван «родиной предвечных роз», что

подчеркивает его вечную цветущесть. В узбекской поэзии независимого периода мотив «земного рая» также силен: Самарканд фигурирует как самое прекрасное место родной земли, дарованное самим Богом. Этот мотив выполняет сходную функцию – возвеличивает город, помещает его вне времени (цветение вечных роз вне истории). Он служит для выражения идеи об особой благодати этого места.

Самарканд как сокровищница знаний и культурный центр (топос мудрости). С эпохи Темуридов Самарканд славился как центр науки и искусства (обсерватория Улугбека, медресе, библиотека). В литературе это отразилось в образе города как хранилища древней мудрости. Многие тексты, особенно узбекские, акцентированы на научно-интеллектуальном наследии Самарканда. В романе А.Якубова «Сокровища Улугбека» сама идея «сокровищ» отсылает не к золоту, а к звездным таблицам Улугбека – символу блеска науки. Русские авторы порой тоже упоминают этот аспект: так, в романе Г. Яхиной (2018) одним из символов надежды становится обсерватория, воспринимаемая героем-сиротой как доказательство, что даже в хаосе истории знание и культура не погибают. Таким образом, Самарканд предстает как «восточная Александрия», город-книжница, где концентрируется мудрость Востока.

Самарканд как «город Тамерлана» – символ имперской славы и исторической памяти. Для обоих народов имя Амира Темура неразрывно связано с Самаркандом. В русской литературе советского периода (например, роман С. Бородина) Темур изображается противоречиво: и как жестокий завоеватель, и как созидатель, украсивший столицу величественными постройками. В узбекской же литературе, особенно после 1991 года, образ Амира Темура реабилитирован и героизирован; Самарканд в этой традиции – «колыбель империи», «столица двух Ренессансов» [1]. Соответственно, тексты акцентируют монументальность архитектуры (мавзолей Гур-Эмир, площадь Регистан как «лицо» империи). Мифопоэтически Самарканд здесь выполняет роль хранителя исторической памяти: через описание его древних

зданий авторы передают идею о неумирающей славе предков. Общий для русских и узбеков мотив – идея величия и падения: Самарканд блестит как «властелин городов» в эпоху Темура, но переживает и трагедии (набеги, разрушения). Это придает образу города черты величественной трагедии, заставляя читателя размышлять о бренности человеческой славы и вечности творений искусства.

Самарканд как сакральное пространство, мистический полюс. Многие тексты наделяют город ореолом святости. В русских источниках встречается легендарный образ Самарканда как места, где сосредоточены древние святыни (могила пророка Даниила, другие реликвии), куда стремятся паломники. У А. Ахматовой фигуративно Самарканд – место, куда душа отправится «умирать», то есть обретать вечный покой. В узбекской литературе эта сакральность проявляется напрямую: Самарканд называется «куполом ислама», «священным городом». Часто герои испытывают трепет, вступая на его землю, совершают паломничество. Сакральный статус усиливает мотив преемственности поколений: приход героя в Самарканд понимается как духовное паломничество, обретение связующей нити с предками. Оба культурных взгляда сходятся на том, что Самарканд – не просто географическое место, но духовный символ, своего рода ось мира для региональной цивилизации.

Самарканд как пространство встречи Востока и Запада. Этот мотив особенно ярко проявляется в произведениях, где фигурируют контактные ситуации разных культур. Уже упоминавшийся испанец Клавихо описывал двор Темура, где рядом существовали персы, индийцы, китайцы, европейцы. В новых работах, например, в энциклопедии Самаркандианы Ионесовых, подчеркивается роль Самарканда как «медиатора межкультурной коммуникации», связующего звена между цивилизациями [3; 123]. В художественной литературе этот мотив разыгрывается через образы путешественников, иностранцев в Самарканде или через взаимодействие героев разных национальностей. Русская литература, по сути, сама являет

пример такого диалога: автор, описывая Самарканд, выступает посредником, переводящим Восток для Запада (для русского/европейского читателя). Тем самым литература отражает реальный диалог культур. Мифопоэтически Самарканд тут предстает как «всемирный город», аналог Вавилона или Иерусалима, где смешиваются языки и традиции. Оба корпуса свидетельствуют: тема единства человечества через самаркандский узел путей обладает мощным притяжением.

Отмеченные мотивы образуют семантическое ядро самаркандского текста. Можно сказать, что в совокупности они создают устойчивый образ: Самарканд – вечный прекрасный город-мемориал, где прошлое не умирает, где красота материального переходит в разряд вечных ценностей, и который одновременно живет в мифе как утопия и в реальности как конкретное место на карте. Именно этот комплекс признаков и позволяет говорить о наличии особого культурного кода, отличающего самаркандский текст от описаний других городов. Для сравнения: «петербургский текст» концентрируется на мотивах роковой предопределенности, призраков, на разрыве с природой, тогда как «самаркандский» – райской гармонии, преемственности, культурного синтеза [3; 45]. Оба при этом интегрируются в общую систему локальных текстов мировой культуры, дополняя друг друга и подтверждая, что каждый великий город производит свой миф в литературе.

Несмотря на общее ядро, русская и узбекская литературы привносят свои особенности в «самаркандский текст». Для русской литературы характерно первоначально внешнее восприятие Самарканда. Авторы, особенно дореволюционные и советские путешественники, смотрят на город как на открытие, диво. Отсюда – сильный ориенталистский колорит: подчеркнутое внимание к экзотическим деталям (яркий базар, лазурные купола, восточные запахи и звуки), романтизация и зачастую идеализация образа. Например, К. Петров-Водкин, оказавшись в Самарканде в 1921 г., писал о небе необычайной высоты и прозрачности, о красках города, стремясь передать через живописное слово ощущение иного, магического

пространства. С. Кржижановский в эссе «Самарканд» сравнивает купола медресе с огромными рыбами, мерцающими чешуей в лунном свете: сугубо фантастический прием, создающий впечатление, что город оживает ночами, полон тайн. Подобные образы отражают скорее проекцию мечты европейца о Востоке, нежели реальность. Даже когда русские авторы описывают исторические факты, тон остается романтическим: Темур у них – не только грозный полководец, но и почти сказочный царь из легенды; Улугбек – «звездный король» и т.д. В более поздней русской литературе (в конце XX – начале XXI вв.) тональность меняется: появляется стремление осмыслить историческую трагедию. Роман Г. Яхиной о голодных детях-беспризорниках, везомых в Самарканд, строится на контрасте: мифопоэтический образ города-обетования (где детей ждет спасение) сопоставлен с жуткой реальностью разрухи после войны. Здесь Самарканд выполняет функцию утопии, светлого идеала, которому противостоит хаос мира. Но важно, что автор сохраняет веру в миф: финал оптимистичен, и Самарканд действительно оказывается местом перерождения. Таким образом, русская литература пришла от восторженно-экзотического мифа к более сложному, диалектическому образу: с одной стороны, мечта о Самарканде как о лучшем мире (будь то рай или утопия), с другой, – осознание его реальной исторической боли.

Для узбекской литературы образ Самарканда всегда был более интимным и патриотическим. Даже в советский период, когда идеологически превозносились индустриальные темы, узбекские писатели не переставали обращаться к истории Самарканда, видя в ней источник национальной гордости. Конечно, в советских романах акцент мог смещаться на классовую борьбу или дружбу народов, но Самарканд все равно фигурирует как сердце родной земли. В литературе это выразилось в прямом возвеличивании образа Темура и его столицы. П. Кадыров в «Звездных ночах» описывает Самарканд XVI века не только как арену борьбы Бабура за власть, но и как символ мечты о едином государстве предков. А.Якубов в «Сокровищах Улугбека» посвятил множество страниц описанию мирной жизни Самарканда времен Улугбека,

уделяя внимание школам, ученым, поэтам. После обретения независимости Узбекистана образ Амира Темура претерпел глубокое переосмысление, превратившись из спорной исторической фигуры в символ национальной гордости и объединяющего начала. В этом контексте поэма О. Абдураззакова «Повелитель» приобретает особое значение: автор акцентирует внимание на миссии Темура как собирателя земель, носителя государственнической идеи и духовного наследия предков. Подтекст произведения напрямую соотносится с задачами формирования национального самосознания и исторической памяти, благодаря чему поэма становится важным звеном в литературной репрезентации идеологии независимого Узбекистана.

Помимо историко-героической темы, узбекские авторы вводят в образ Самарканда мотив родного дома, отчего очага. В стихах Мухаммада Юсуфа, обращенных к Самарканду, город персонифицируется как старший друг или мудрый предок, с которым поэт ведет разговор. Чувствуется эмоциональная близость: для автора Самарканд – часть его личности, живой свидетель истории народа. Подобного в русской литературе почти нет (разве что у Ахматовой, но она тоже была частью той земли во время эвакуации). Таким образом, узбекская словесность «очеловечивает» Самарканд, делает его внутренне присвоенным образом.

Наше исследование позволяет сформулировать ряд важных научных положений и выводов, составляющих научную новизну и значимость работы. Во-первых, впервые проведенное комплексное сопоставление русской и узбекской литературы в контексте образа одного города показало плодотворность такого подхода для сравнительного литературоведения. На конкретном примере «самаркандского текста» продемонстрированы механизмы межкультурного влияния: выявлено, как образы и мотивы «мигрируют» между литературами (через переводы, общие исторические события) и как каждая культура трансформирует заимствованный сюжет под своим углом. Это углубляет наше понимание русско-узбекских литературных

связей, добавляя к традиционному изучению влияний еще и измерение общего объекта изображения (города).

Во-вторых, исследование обогатило теорию городского текста новым материалом нестандартного (центральноазиатского) региона. Выявлены специфические мотивы, характерные именно для Самарканда и схожих восточных городов – например, мотив сакральности-ориентированности пространства, мотив восточного мудреца-астронома и др. Было показано, что концепция В. Топорова применима с корректировками: семантическое ядро самаркандского текста обладает некоторыми сверхсемантическими свойствами, но его наполнение иное, чем у европейских городов. Тем самым мы подтвердили универсальность базовых принципов (роль культурного кода города), но расширили представления о вариативности содержательных доминант городского текста. Это методологически ценно для дальнейших исследований: подобный анализ можно распространить и на другие города Востока (Бухару, Хиву, Ташкент и др.), используя сделанные наработки.

В-третьих, работа внесет вклад в развитие методов мифопоэтического анализа применительно к многонациональному литературному процессу. Показано, что единый мифологический топос (в нашем случае Самарканд) может по-разному функционировать в разных культурах, сохраняя при этом инвариантную основу.

Подводя итог, подчеркнем главный вывод: «самаркандский текст» в литературе XX-XXI веков – это многослойный мифо-семиотический феномен, в котором переплелись историографическая точность и поэтическая фантазия, национальная память и интернациональный романтизм. Его исследование открывает окно в понимание того, как культура осмысляет пространство: город предстает не пассивной декорацией, а активным носителем смысла, своего рода текстом, написанным камнем и словом. Самарканд, воспетый на разных языках, стал общим культурным текстом для разных народов – и в этом его уникальная объединяющая роль. Наш труд подтверждает слова А. Ф. Лосева: «В слове, и в особенности имени, все наше

культурное богатство, накапливаемое в течение веков. В слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия. В имени – средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер. Здесь сгущена и нагнетена квинтэссенция как человечески-разумного, так и всякого иного человеческого, разумного и неразумного бытия и жизни» [5; 628]. Имя «Самарканд» концентрирует в себе века истории и мифа, и задача научного исследования – раскрыть и прочесть этот живой текст культуры во всей его полноте. Мы надеемся, что проделанная работа послужит основой для дальнейших изысканий и привлечет внимание к богатейшему литературному наследию, связанному с этим вечным городом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ирзиёев Ш. М. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественной церемонии открытия Международного туристического центра «Великий шелковый путь» в Самарканде [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. – 23.08.2022. – Режим доступа: https://president.uz/ru/lists/view/5456 (дата обращения: 27.07.2025).

опоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. – СПб: Искусство-СПБ, 2003. – 616 с.

иркова Н. В. Образ города в контексте репрезентации исторической и культурной памяти: наследие и современность. Рецензия на монографию А. И. Ионесова, В. И. Ионесова «Самарканд: Образ города в пространстве межкультурной коммуникации. Энциклопедия зарубежной Самаркандианы». – Вестник ЧелГУ. – 2023. – № 4 (474). – С. 119-123.

афранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Матенова Ю.У. Семиотика «Самаркандского текста» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2024. – Т. 29. – № 1. – С. 34-45.

осев А.Ф. Бытие – имя – космос. – Москва: Мысль, 1993. – 958 с.